Schmidt – Schmidt Ch. Bundeswehr vor Schaden bewahren // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24. Juli. S. 11–12.

Waigel – Waigel Th. Deutschland steht mitten im Aufschwung! // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. September. S. 3–4.

Weisskirchen – Weisskirchen G. Rede in der Berlin-Debatte. – Web document 1999. – URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_059.html.

Conceptualization of the social reality of the FRG by ethological metaphor

There are considered the semantic peculiarities of functioning of ethological metaphors in the German social communication through the prism of the linguocognitive approach. Usual metaphoric meanings reflect stereotyped linguocultural images that develop in the German language discursive space.

Key words: *cognitive linguistics, political discourse, the German language, conceptual metaphor, language world picture.*

Н.Ю. ШНЯКИНА
(Омск)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ СИТУАЦИИ ПОЗНАНИЯ (на материале вербализации восприятия запаха в немецком языке)

Показана языковая репрезентация одного из аспектов ситуации познания человеком запаха. Анализ материала строится на идее мотивированности языковых форм когнитивными процессами человека, что позволяет выявить закономерности концептуализации места запаха на основе языковых построений.

Ключевые слова: *когнитивная ситуация, обонятельный перцептивный канал, языковая экспликация, категория «место», локализатор, пространственный ориентир, источник запаха, обонятельный образ.*

Характерной чертой современных лингвистических исследований является антропоцентрическая направленность, проявляющаяся в рассмотрении языковых явлений как ре-

зультата когнитивной деятельности человека, обусловленной его физиологическими и психологическими особенностями. Исследование языка в таком аспекте открывает доступ к структурам знания (Н.Н. Болдырев, А.В. Бондарко, А.В. Кравченко, Е.С. Кубрякова и др.) и предполагает использование его в качестве материала для изучения процессов получения, обработки, хранения, извлечения информации об окружающем мире.

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотрения ситуации познания мира (в частности ситуации познания запаха) через языковые экспликации. Внимание сосредоточено на описании закономерностей осознания человеком места распространения запаха, которые могут быть выявлены на основе анализа языковых фрагментов.

Ориентация лингвистических исследований на когнитивную составляющую человеческой жизнедеятельности обусловлена пониманием субъекта как наблюдателя, активного участника процесса познания [4; 10; 12]. Момент восприятия и осознания им запаха вещества представляет собой когнитивную ситуацию, в центре которой находится человек, выражающий результаты познания в языковых формах. Он может говорить о временных, пространственных характеристиках ситуации, о воспринимаемом объекте, себе как субъекте, действиях, совершаемых с объектом; также он может оценивать информацию, сравнивая ее со своими личными или общепринятыми эталонами. В зависимости от коммуникативной задачи, особенностей индивидуально-личностного восприятия, угла зрения на описываемую ситуацию, воздействия внешних факторов человек акцентирует внимание на той или иной ее стороне, выделяя значимые аспекты и описывая их с различной степенью детальности.

Зафиксированные в языковых формах «смысловые координаты» [3, с. 41] рассматриваются как вербализованные категории, обобщающие опыт взаимодействия человека с окружающей действительностью. Изучение выражения ситуации познания строится на выявлении и описании этих категорий, что позволяет «разложить» отмеченную в языке ситуацию познания на отдельные элементы и выявить специфику их языкового воплощения. Развиваемая в статье мысль соответствует основной установке когнитивной лингвистики, сформулированной Е.С. Кубряковой: «Ключ к пониманию мыслительных катего-

рий и категорий нашего опыта лежит в анализе языковых данных – ведь именно они отражают и объективируют то, что уже подверглось когнитивной обработке человеческим разумом» [8, с. 84].

В последнее время появляется все больше работ (Н.Н. Болдырев, А.В. Бондарко, А.И. Варшавская, Е.С. Кубрякова), авторы которых на основе анализа языковых контекстов описывают познавательную ситуацию, выявляя в ней информацию, связанную со способностью человека к категоризации опыта. Категория «место» в том или ином виде присутствует в каждой из приводимых ниже концепций. Так, по мнению Н.Н. Болдырева, «место» относится к условиям протекания события (обстоятельствам) [1]. У А.В. Бондарко рассматриваемый аспект характеризует пространственную сферу восприятия общей категории перцептивности [2, с. 279]. А.И. Варшавская, описывающая матричную схему дискурса, говорит о наличии в ней координаты «где» [3, с. 41]. Е.С. Кубрякова в модели структуры деятельности выделяет аспект ее протекания во времени и пространстве [7, с. 442]. Таким образом, место является необходимой составляющей любой деятельности и может быть рассмотрено как одна из пространственных сторон ситуации познания человеком запаха.

Анализ примеров позволяет выделить основные закономерности осознания и языкового представления места запаха: относительно пространственных ориентиров – с одной стороны, и относительно источника запаха – с другой.

Первая закономерность состоит в том, что познающий субъект описывает ситуацию восприятия запаха в системе заданных им пространственных координат: часто относительно предметов, служащих ориентирами, так называемых локумов [6, с. 44], или локализаторов [5, с. 14]. Потребность в них при осознании дискретных и недискретных объектов продиктована как необходимостью структуризации перцептивного опыта, так и коммуникативными задачами. Выбирая ориентиры и фиксируя их в высказывании, человек может говорить о местоположении такой необозримой и ускользающей сущности, как запах.

Следует отметить две модели осознания места запаха в терминах пространства. Во-первых, местонахождение запаха может быть установлено относительно любого материального предмета, находящегося в поле зрения человека. В примере *Über den Brücken roch es nach Rauch* (ZEIT ONLINE, 2008) роль ориентира выполняет мост. Во-вторых,

ориентиры могут образовывать пространственные рамки, осознаваемые человеком как вместители запаха: улицы города, площадки, помещения и т.д.: *Der Gestank in den Straßen Roms soll ja einst beeindruckend gewesen sein* (ZEIT ONLINE. 2009); *Dann das Vieh, die Katzen und die Überfülle der Gerüche, im Stall, in der Räucherammer, der Küche* (SPIEGEL ONLINE. 2011).

И в том, и в другом случае фиксация пространственных ориентиров связана с потребностью человека в конкретизации местоположения запаха относительно окружающих его объектов. Запах осознается как субстанция, либо находящаяся в каком-то пространственном отношении к этим объектам, либо наполняющая их. Концептуальное представление описываемых пространственных отношений связано с наложением человеком на познаваемые объекты и явления границ, в том числе осознанием им объектов как вместителей.

Вторая закономерность концептуализации представлений о местоположении запаха обусловлена связью места его распространения с «источником» [11, с. 86] или, другими словами, «объектом восприятия» [9, с. 231]. Действительно: источник запаха представляет собой начальную точку процесса его распространения, по сути, место его средоточия. Запах, являясь свойством предмета-источника, в процессе восприятия его человеком становится признаком распознавания и категоризации объектов материального мира. Человек, описывая воспринимаемые запахи, отсылает собеседника к источнику как чему-то конкретному и понятному. В этом случае единственным локализатором, отраженным в структуре высказывания, является его источник (объект восприятия), а факт его присутствия в обонятельной сфере человека выражается существительным *Geruch* или глаголами *riechen*, *duften* и т.д.: *Der brenzlige Geruch verbrannten Papiers und kokelnden Tabaks* (ZEIT ONLINE. 2008); *Es riecht anheimelnd nach Zimt und Schokolade, nach frisch gebackenen Keksen* (ZEIT ONLINE. 2000); *Der Apfel duftet nach rosa blühenden Apfelbäumen und Wiese im Sommer und braunen Beinen auf einem gestreiften Liegestuhl* (ZEIT ONLINE. 2000).

Жженная бумага, корица, шоколад, свежиспеченные кексы и яблоны представляют собой источники соответствующих запахов. В отличие от выражения места запаха в пространстве познающего субъекта, целью экспликации знания об источнике является выражение качественной стороны познаваемо-

го явления – свойства предмета, обладающего запахом.

Наиболее полная информация о локализации запаха выражается в структурах, содержащих указание на источник (источающий его объект), факт его наличия (лексемы *Duft, Geruch, riechen* и т.д.), а также установленное познающим субъектом месторасположение запаха в пространстве (относительно любых существенных ориентиров): *Schwestern in weißen Kitteln schlossen ihr auf, in den Fluren hing der Geruch von Desinfektionsmitteln, die Fenster waren vergittert, die Schlafsäle tagsüber verschlossen* (SPIEGEL ONLINE. 2005). В приведенной в качестве примера конструкции есть указание на локализатор (место) запаха (*Fluren*), источник (*Desinfektionsmittel*) и факт его наличия (*hing der Geruch*). Отсылка к источнику осуществляется автором высказывания с целью описания воспринимаемого запаха, являющегося типичным для объекта, находящегося в поле восприятия наблюдателя. Это связано с его уникальной способностью хранить в памяти обонятельные образы и оперировать ими при описании ситуаций восприятия запаха и собственных воспоминаний. Благодаря этой способности человек может идентифицировать воспринимаемый запах с его источником, даже если последний не воспринимается визуально, и наоборот – использовать обонятельные представления для различного рода описаний.

В языке можно увидеть зафиксированные сознанием человека вариации взаимодействия источника запаха и самого запаха. Приведем пример: *Einer seiner stärksten Kindheitseindrücke war der Garten seiner Großmutter, in dem es nach Rosmarin, Wacholder und Rosen duftete* (ZEIT ONLINE. 2000). Контекст, содержащий информацию о месторасположении запаха (*der Garten seiner Großmutter*), позволяет предположить, что это случай синкретизма, т.е. однозначного совпадения источника локализации запаха и образа запаха упомянутых растений. Напротив, в примере *Das ganze kleine Wesen duftet nun nach Rosen* (ZEIT ONLINE. 2008) речь идет о человеке. Очевидно, что источник запаха (*das ganze kleine Wesen*) с типичным источником образа запаха роз не совпадает и совпадать не может. Случай несовпадения можно также продемонстрировать на другом примере: *Wenn es im Kaufhaus nach Rosen duften soll, kann er das Aroma mit Substanzen nachbauen, die billiger sind als der echte Rohstoff* (ZEIT ONLINE. 2008). Контекст содержит информацию о том, что речь идет не о запахе, источаемом цветами, а похожем на него искус-

ственным аналоге, используемом для повышения покупательского спроса.

Интересен для анализа и следующий пример: *Das Buch riecht nach der Stadt, nach abgestandenem Bier aus Aldi-Paletten, nach kaltem Rauch und überquellenden Abfalltonnen* (ZEIT ONLINE. 2004) В данном случае источником (местом средоточия) запаха является книга, однако признаки, которыми, как кажется человеку, она обладает (запах города, дыма, пива, мусора), идентифицируются им в соответствии с хранящимися в его сознании обонятельными образами, сложившимися в процессе восприятия типичных городских запахов, возможно, впитавшихся в обложку и страницы книги. Другими словами, для описания обонятельных ощущений автор использует образы переживаний, имеющих место в прошлом и совпадающих с теми запахами, которые воспринимаются относительно ситуации познания в настоящем.

Итак, в данной статье была предпринята попытка описания языковых структур как объективаций структур знания. Иллюстрация особенностей вербализации процесса познания запаха строится на выявлении некоторых смысловых координат, связанных с онтологическими категориями. Одной из них является категория «место», представляющая собой пространственный аспект существования и восприятия запаха. Место может быть рассмотрено двояко: с одной стороны, как установленный человеком ориентир, относительно которого он описывает ситуацию распространения и, соответственно, восприятия запаха; с другой – как объект-источник, в котором в большой концентрации воспринимаемый запах локализован. Рассмотренные в статье особенности вербального описания местоположения запаха, зафиксированные в языке, обусловлены типичными приемами осознания и структурирования невидимых сущностей и отражают склонность человека к осознанию абстрактного в терминах конкретного.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // *Вопр. когнитивной лингвистики*. 2006. № 2. С. 5–22.
2. Бондарко А.В. К вопросу о перцептивности // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура*. М.: Яз. слав. культуры, 2004. С. 276–282.
3. Варшавская А.И. Дискурс как динамическая композиция: принцип порождения метадискурса // *Англистика XXI века: материалы VI Всерос. науч. конф.* 24–26 янв. 2012 г.. СПб., 2012. С. 41–43.

4. Верхотурова Т.Л. Метакатегория «наблюдатель» в научной картине мира // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1: Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 45–65.

5. Гак В.Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // *Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность*. СПб.: Наука, 1996. С. 6–26.

6. Кравченко А.В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996.

7. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // *Логический анализ языка. Избранное*. 1988–1995. М.: Индрик, 2003. С. 439–446.

8. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // *Логический анализ языка. Языки пространств*. М.: Яз. рус. культуры, 2000. С. 84–92.

9. Кустова Г.И. Перцептивные события: участники, наблюдатели, локусы // *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке*. М.: Индрик, 1999. С. 229–243.

10. Падучева Е.В. Наблюдатель как эксперимент «за кадром» // *Слово в грамматике и словаре*. М.: Яз. слав. культуры, 2000. С. 185–201.

11. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // *Вопр. языкознания*. 1994. № 6. С. 79–100.

12. Семенова Т.И. Антропоцентризм модуля кажимости // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та: Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2006. Т. 4. Вып. 2. С. 148–154.

Источники

ZEIT ONLINE. URL: <http://www.zeit.de>.

SPIEGEL ONLINE. URL: <http://www.spiegel.de>.

Spatial aspect of a situation of cognition (by the material of verbalization of smell perception)

There is shown the language representation of one of the aspects of a situation of smell cognition by a person. The analysis of the material is carried out on the basis of the idea of linguistic forms validity by the cognitive processes of a person, which allows finding out the regularities of conceptualization of the place of smell on the basis of language formations.

Key words: *cognitive situation, olfactory perceptive channel, language explication, category “place”, localizer, spatial guideline, smell source, olfactory image.*

В.Ю. КЛЕЙМЕНОВА
(*Санкт-Петербург*)

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА КАК МОДЕЛЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Описаны такие характеристики модели, как обобщенность, антропоцентричность и фантастичность. С помощью сравнительного анализа средств актуализации общего моделируемого объекта в фикциональных мирах, созданных разными авторами, иллюстрируется актуализация в тексте индивидуального восприятия действительности.

Ключевые слова: *модель, антропоцентричность, фантастичность, обобщенность, фикциональный мир, вымысел, нереализуемость элементов.*

Понятия «модель» и «моделирование» давно и прочно заняли место в метаязыке науки. В гуманитаристике модель рассматривается как инструмент познания, т.е. мысленно представляемая или материализованная система, замещающая объект изучения в процессе решения конкретных задач и дающая информацию об изучаемом объекте, если последний недоступен для непосредственного использования в процессе исследования [1, с. 146; 3, с. 90; 9, с. 19]. По мнению Ю.М. Лотмана, художественное произведение представляет собой определенную модель мира [5, с. 46], а художественный текст «имитирует реальность, создает из своего системного, по самой своей сути, материала модель внесистемности» [6, с. 69].

Для получения нового знания об объекте модель должна не удваивать объект, а создавать его иную реальность, в том числе и внешне похожую на действительность. Первым отличием объекта и модели является *обобщенный характер* последней. Текст одновременно моделирует и частное, и универсальное – отображенный объект имеет тенденцию к неограниченному расширению и одновременно воспринимается как сужающийся, это сопоставление отдельного и всякого (Там же, с. 206). Модель мира, актуализированная в тексте, отрывается от «зеркального отображения реалий» за счет того, что отдельные фрагменты мира могут быть прописаны более подробно, чем другие. Самый значимый фрагмент прописан наиболее подробно, и каждая деталь, попав в этот фрагмент, воспринимается как зна-